

А. БЕЛЫЙ

О теургии

<отрывок>

<...> В настоящую минуту вершины мысли и чувства загорелись теургизмом. Теургизм, магизм и т. д. — повседневные слова «не в сочетаньях ежедневных», способные смутить «мирный сон гробов»¹, — конечно, являют собою глубоко проникшее в душу стремление выразить *словом и делом* музыку, запавшую к нам из бессмертных далей и способную до некоторой степени влиять на музыку, стихийно разлитую вокруг, так что эта последняя по отзывчивости начнет вторить, аккомпанировать музыке из бессмертных далей. Отсюда открывается громадная перспектива в понимании музыкальной телепатии, внушения и т. д.

Музыка — это действительная, стихийная магия. Музыка доселе была впереди европейского человечества. Быть может, лишь в настоящую минуту оно начинает вплотную подходить к музыке, вбирая в себя ее стихийную, магическую мощь. Способность стихийно влиять, подчинять, зачаровывать несомненно растет. Так будет и впредь. Нижеприведенное стихотворение указывает на степень роста человеческого духа в направлении стихийного магизма:

Ты горишь высоко над горою,
Недоступна в своем терему,
Я примчуся вечерней порою,
В упоенье мечту обниму.
Ты, заслышав меня издалека,
Свой костер разведешь ввечеру.
Стану, верный велениям рока,
Постигать огневую игру.
И когда среди мрака снопами
Искры станут кружиться в дыму,

Я умчусь огневыми кругами
И настигну тебя в терему.

(А. Блок)²

Какое верное словесное отражение магически душевной музыки, присутствием которой обусловлена возможность телепатии и т. д.

Что же это за веяние? Откуда оно? А вот отрывок Лермонтова:

Пускай холодною землею
Засыпан я.
О, друг! Всегда, везде с тобою
Душа моя...
Коснется ль чуждое дыханье
Твоих ланит —
Душа моя в немом страданье
Вся задрожит.
Случится ль — шепчешь, засыпая,
Ты о другом;
*Твои слова текут, пылая,
По мне огнем*³.

Итак, магизм, способный возмутить того, кто достаточно не наивен, чтобы презрительно отвертываться от «*декадентских ломаний*», был свойственен Лермонтову? Он только приблизился к нам, стал психологически доступнее. Ясно — что-то движется, что-то медленно вползает в нашу душу, бросая нас в огонь и в холод, убивая лучших из нас, взывая в тишине к современным Заратустрам: «О, Заратустра, кому надлежит двигать горы, тот передвигает и низины... Самое унижительное в тебе: ты имеешь силу и не хочешь властвовать”... — “У меня недостает львиного голоса для повелений”. Тогда опять со мной заговорили как бы шепотом: “Самые тихие слова и производят бурю... О, Заратустра, ты пойдешь как тень того, что должно прийти, так ты будешь повелевать и, повелевая, предшествовать”...» (Ницше)⁴. И вот мы все, как тень того, что должно прийти, отправились в духовное странствие, прислушиваясь в душе своей к *новым*, быть может никогда не бывшим *звучаниям*.

* * *

Если всякая глубокая музыка, так или иначе воплощаемая, в основе своей магична, то далеко не всякая теургична. Теургия с этой точки зрения является как бы *белой магией*. Если

говорится пророкам, ходящим пред Господом: «Утешайте, утешайте народ мой»⁵, то, наоборот, к магам, владеющим тайной составления «не ежедневных сочетаний» повседневных слов, но не обращенным ко Господу, относится грозное: «Терафимы говорят пустое и вещуны видят ложное...»⁶, т. е. умение магически управлять стихиями посредством звучаний души не во славу Божию — грех и ужас. И Лермонтов, в душе которого шевелились волны магизма, всегда оканчивал свои огневые прозрения безнадежным аккордом:

И видел я, как руки костяные
 Моих друзей сдавили — их не стало...
 . . . . .
 Ломая руки и глотая слезы,
 Я на Творца роптал, боясь молиться⁷.

После проникновенных строк:

Кто скажет мне, что звук ее речей
 Не отголосок рая? Что душа
 Не смотрит из живых ее очей,
 Когда на них смотрю я, чуть дыша?

Вдруг:

Пусть я кого-нибудь люблю:
 Любовь не красит жизнь мою,
 Она, как чумное пятно
 На сердце, жжет — хотя темно⁸.

Хотя эти строки писаны еще юношей, однако до конца своей жизни Лермонтов остался неизменным... «И скучно и грустно, и некому руку подать» — после таких глубин любви, которые могли бы осветить жизнь немеркнувшим светом... Что за странное желание у Лермонтова, когда он говорит: «О, пусть холодность мне твой взор укажет, пусть он убьет надежды и мечты, и все, что в сердце возродила ты, — душа моя тебе лишь скажет: “Благодарю!..”»⁹ А между тем чувствуешь упоительность настроения, охватившего поэта, — настроения, не признанного им до конца. Здесь, в любовных отношениях, как бы нащупывается какой-то особый, новый путь. Вся знаменательность подобных строк углубляется, подчеркивается такими выражениями, как нижеприведенное: «Как небеса, твой взор блистает эмалью голубой...», «И не узнает шумный свет, кто нежно так любим, как я страдал и сколько лет я памятью томим. И где бы я ни стал искать былую тишину, все сердце будет мне шеп-

тать: люблю, люблю одну...»¹⁰ Искание вечной любви — вот то чувство, которое заставляло Лермонтова обращаться к любимой женщине с просьбой «убить холодным взором» надежды. Боязнь и сознание, что каждая земная любовь преходяща, вместе с исканием в любимом существе отблеска Вечности, освобождаемого памятью из-под оков случайного и преходящего, — все это сочетает у Лермонтова искание *вечной любви* с исканием *любви у Вечности*. Отсюда еще один шаг — и любимое существо становится лишь бездонным символом, окном, в которое заглядывает какая-то Вечная, Лучезарная Подруга¹¹ — Возлюбленная...

И создал я тогда в моем воображенье
По легким признакам красавицу мою
И с той поры бесплодное виденье
Ношу в душе моей, ласкаю и люблю¹².

Если бы Лермонтов сознал, что его виденье не бесплодно, а бесплодна та полумаска, из-под которой блеснул ему луч жизни вечной, то из разочарованного демониста обратился бы в того *рыцаря бедного*, которого Пушкин заставил увидеть «одно виденье, непостижное уму»¹³, и уже, очевидно, без всякой *полумаски*. Но этого не было с Лермонтовым — и вот он обрывает ростки своих прозрений, могущие обратиться в пышные растения, вершиной касающиеся небес. Впрочем, смутное сознание *не* бесплодности его видения ясно звучит в следующих строках:

И все мне кажется: живые эти речи
В года минувшие слышал когда-то я.
И кто-то шепчет мне, что после этой встречи
Мы вновь увидимся, как старые друзья...

«Нет, *не тебя* так пылко я люблю... В твоих чертах ищу *черты иные*»¹⁴ — новый шаг на тернистом пути искания *новой любви*, новых отношений между людьми. Наконец, последняя ступень прозрения Лермонтова заставляет перенести искание Вечной Подруги на весь мир. Она — стихийно разлита вокруг. Уловить Ее улыбку в заре, узнавать Ее в окружающем отблеске Вечной Женственности, о которой Соловьев говорит, что Она грядет ныне на землю в «теле нетленном»¹⁵, ждать Ее откровения в небесах, блистающих, как *голубые очи* («как небеса, твой взор блистает эмалью голубой»), — вот назначение поэта-пророка, каким мог быть Лермонтов... И он уже подходит к этой вершинной, мистически слетающей любви, когда говорит:

В аллею темную вхожу я: сквозь кусты
 Глядит вечерний луч, и желтые листы
 Шумят под робкими шагами.
 И странная тоска теснит уж грудь мою:
 Я думаю о ней, я плачу, я люблю —
 Люблю мечты моей создание
 С глазами, полными лазурного огня,
 С улыбкой розовой, как молодого дня
 Над лесом первое сиянье¹⁶.

Еще шаг, еще один только шаг — Лермонтов узнал бы в легком дуновении ветерка заревой привет Той, Которую он искал всю жизнь и столько раз почти находил. Той, о Которой говорится: «Она есть отблеск вечного света, и чистое зеркало действия Божия, и образ благодати Его. Она — одна, но может все и, пребывая в самой себе, все обновляя и переходя из рода в род в святые души, приготовляет друзей Божиих и пророков... Она прекраснее солнца и превосходнее сонма звезд; в сравнении со светом — Она выше»...¹⁷ Он прочел бы в душе имя Той, Которая выше херувимов и серафимов — идей — ангелов, — потому что Она — идея вселенной, Душа мира, Которую Вл. Соловьев называет Софией, Премудростью Божией и Которая воплощает Божественный Логос... К Ней обращены средневековые гимны: «Mater Dei sine spina — peccatorum medicina»...¹⁸ К ней и теперь обращены гимны:

И в пурпуре небесного блистанья
 С очами, полными лазурного огня**,
 Глядела ты, как первое сиянье
 Всемирного и творческого дня...
 Что есть, что было, что грядет веки,
 Все обнял тут один недвижный взор...
 . . . . .
 Все видел я, и все одно лишь было,
 Один лишь образ женской красоты.
 Безмерное в его размер входило...
 О, лучезарная!..***

(Соловьев)

* Матерь Божия без шипов, исцеление грешников (лат.). — Сост.

** Соловьев указывает на то, что он пользуется стихом Лермонтова.

*** Как относился Соловьев к подобному стихотворению, видно из примечания его: «Осенний вечер и глухой лес внушили мне воспроизвести в... стихах самое значительное из того, что до сих пор случалось со мной»¹⁹.

Облако светлое, мглою вечерней
 Божьим избранникам ярко блестящее,
 Радуга, небо с землею мирящая,
 Божьих заветов ковчег неизменный,
 Манны небесной фиал драгоценный,
 Вьсь неприступная. Бога носящая!
 Дольний наш мир осени лучезарным покровом,
 Свыше ты осененная,
 Вся озаренная
 Светом и словом!

(Петрарка)²⁰

Но Лермонтов не воскликнул:

Знайте же, Вечная Женственность ныне
 В теле нетленном на землю идет!

(Соловьев)²¹

Личная неприготовленность к прозреваемым идеям погубила его... И в конце концов:

А жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг,
 Такая пустая и глупая шутка!

Тем, кто не может идти все вперед и вперед, нельзя проникать дальше известных пределов. В результате — ощущение нуменального греха, странная тяжесть, переходящая в ужас. Прозрения вместо окрыления начинают жечь того, кто не может изменить себя. «Вот грядет день, пылающий, как печь» (Малахия)²², — в душе мага. Обуянный страхом, он восклицает, обращаясь к друзьям:

Что судьбы вам дряхлеющего мира!..
 Над вашей головой колеблется секира.
 Ну что ж? Из вас один ее увижу я...

(Лермонтов)²³

Быть может, он видел секиру, занесенную над собой? А вот уже прямо:

Не смейся над моей пророческой тоской:
 Я знал — удар судьбы меня не обойдет.
 Я знал, что голова, любимая тобой,
 С твоей груди на плаху перейдет!

(Лермонтов)

И это писано в год дуэли — того удара судьбы, которого, быть может, и нельзя было обойти Лермонтову²⁴. Он увидел слишком много. Он узнал то, чего другие не могли знать.

Такие люди, как Лермонтов, называемые светскими писателями-демонистами и о которых в Писании сказано, что они — незаконные, — такие люди подвержены беспричинной тоске и ужасу... «Свищущий ветер... или незримое бегание скачущих животных, или голос ревущих... зверей: *все это, ужасая их, повергало в расслабление. Ибо весь мир был окутан ясным светом и занимался беспрепятственно делами, а над ними одними была распростерта тяжелая ночь, образ тьмы, имевшей некогда объять их, но сами для себя они были тягостнее тьмы*»²⁵.

В своих прозрениях Лермонтов не дошел до конца. Гениальная поэзия его все еще срединна. Отсюда демоническая окраска его поэзии. Отсюда же двусмысленность, двузначность типов вроде Печорина. И здесь есть хлестаковство. Только оно пало на душу, закралось в самые тайные уголки мысли и чувства. Едва ли сам Лермонтов был повинен в своем демонизме. Он является козлицем отпущения и за свою, и за нашу эпоху. Та, которую он всю жизнь искал, не открылась ему до конца, но и не осталась в маске. Вся мучительность его порываний к Вечности заключается в том, что некоторые черты Ее были доступны ему. Она была закрыта от него только *полумаской*. Не разрешенное Лермонтовым взывает в наших душах. Мы или должны закрыть глаза на порывание духа к вечной любви, или, сорвав полумаску, найти Вечность, чтобы наконец блеснуло нам — бедным рыцарям — «*виденье, непостижное уму*»... И вот, когда звучат нам слова, полные смысла: «Я озарен... Я жду твоих шагов...», «Весь горизонт в огне и близко появленье»²⁶ и т. д. — со страхом Божиим и верою приступаем мы к решению рокового, приблизившегося к нам вопроса.

Мы должны помнить, что в любви нет ужаса. «*Пребывающий в любви пребывает в Боге*», потому что «*Бог есть любовь*»²⁷. Мы должны помнить, что мы — возлюбленные Богом. Разве это не источник величайшего счастья? В обещании, что мы будем подобны Ему, кроется наша милая, радостная надежда. Будем же крепко держаться за эту надежду, потому что, по словам апостола Иоанна, «*имеющий сию надежду на Него очищает себя*» (Послание Иоанна, гл. III, 3).

Сила и преимущество теургии перед магией заключается в том, что первая вся пронизана пламенной любовью и высочайшей надеждой на милость Божию.

Вот почему утешение магией, какую бы последняя ни обладала мощью, есть опять-таки утешение пустотою — той пустотою, о которой Господь говорит пророку Захарии²⁸. <...>

